

## КАРТИНЫ МИРА

---

Станислав Церна

студент III курса факультета Гуманитарных Технологий  
университета Высшая Антропологическая Школа

### СОБАКА В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ КУКУТЕНЬ-ТРИПОЛЬЕ

**Tserna S. The Dog in the Ideological Manifestations of the Bearers of the Cucuteni-Tripoly Culture.**

This article contours main archaeological sources for the evaluation of the semantics of dog in the spiritual life of the population of the Cucuteni-Tripolje culture. The main emphasis being made on the context of discoveries, the symbolic trajectory of the dog symbolism in Cucuteni-Tripolje is traced, together with the critical re-assessment of some previous approaches. The main manifestations of the dog symbolism are discussed, including burials of skulls and complete skeletons of dogs under houses, in pits or in barrows and multiple painted dog figures in the late Tripolje ceramic ornamental systems. The proximity of these manifestations in different cultural domains may therefore point to the important role of the zoomorphic signs, as part of a developed symbolic system, in communication and identity preservation in the Cucuteni-Tripolje tribes.

---

### О взаимоотношении человека и животных в эпоху нео-энеолита

Пожалуй, одним из наиболее драматич-ных и выдающихся событий в истории че-ловечества, повлекшим за собой ряд ради-кальных изменений в материальной и духов-ной культуре древних обществ, является пе-реход к производящему хозяйству. В основе данных перемен лежат новые формы взаи-модействия как внутри человеческого кол-лектива, так и между социумом и окружаю-щей средой. Результатом перехода к неולי-тической эпохе, к более оседлому образу жизни, стало появление целого набора соци-альных установок, идеологических представ-лений, моделей бытия. Стержневой линией существования человека стал так называемый неолитический *habitus* (Whittle 2003: 10).

Одной из составных частей этого нового образа жизни является изменение роли жи-вотных как в экономической, так и в культо-вой сфере жизнедеятельности человека. Имен-но с переходом к производящему хозяйству связан процесс одомашнивания отдельных видов животных, в первую очередь мелкого

и крупного рогатого скота, а также свиньи. Более того, одомашнивание животных рас-сматривается в качестве неотъемлемого эле-мента определенного «Neolithic package» — своего рода инновационного пакета, харак-терного для неолитического образа жизни (Çilingiroğlu 2005). Изменение роли и места животных в мире человека отобразилось и на духовной культуре первых раннеземледель-ческих обществ Европы. Свидетельством это-му являются многочисленные изображения зверей в глиняной пластике, орнаментации керамики, в виде зооморфных алтарей и т.п. Тем не менее, несмотря на большое количе-ство имеющихся в распоряжении подобных данных, основное внимание в археологичес-кой литературе, по справедливому замеча-нию Дугласа Бэйли (2000: 131), уделяется экономическому значению животных для человека времени неолита и энеолита. Соци-альные и другие неэкономические формы отношений между человеком и животными в раннеземледельческий период во многом

остаются нераскрытыми. Обнаружение знаменитых золотых бляшек в форме крупного рогатого скота в Варненском некрополе (Ivanov, Avramova 2000: 42, Fig.6), равно как и многочисленные глиняные статуэтки этих животных, привлекло внимание исследователей, в первую очередь, к КРС<sup>1</sup> в качестве объекта для получения вторичных продуктов (Sherratt 1983; Bailey 2000: 183-186). Сами животные выступали в качестве определенного ценностного индикатора, количественные показатели которого отражали социальный статус индивида. Ценностный аспект содержания КРС подкреплялся данными археозологии<sup>2</sup> и этнографии<sup>3</sup>.

Другой, сакральный, аспект отношений человека и КРС выделяется на основе античной мифологии, чьи корни прослеживаются вплоть до неолитической эпохи (Лосев 1957). Особенно показательна данная интерпретационная парадигма в историографии культуры Кукутень-Триполье. Речь идет об особой, по мнению ряда исследователей, роли быка в трипольском культе плодородия и связи его с образом женщины. Бык в данных построениях выступает в качестве «лунного рогатого божества», символа мужского плодородия, супруга великой богини-матери (Бибииков 1953: 266; Рыбаков 1965; Маркевич 1981: 155-156). Данная концепция была подвергнута справедливой критике со стороны В.И. Балабиной (1998: 13-15, 222-223). Вслед за российской исследовательницей хотелось бы отметить, что подобные интерпретации, несмотря на всю их привлекательность, имеют один существенный методологический недостаток: отсутствие ана-

лиза полного массива данных, различных комбинаций тех или иных образов в археологическом контексте. Обычно отдельные предметы, соответствующие тому или иному интерпретационному постулату, «выдвигаются» из общего массива, будучи «подстроены» под заранее предложенную модель. Однако при таком подходе теряется значительная часть информации, что ведет в конечном счете к получению искаженных результатов анализа. Показательны в этом плане исследования В.И. Балабиной (1997; 1998), которая, работая с *полным* массивом данных и с *контекстуальными* признаками, пришла к несколько неожиданным, но обоснованным и соответствующим материалу выводам. Так, согласно Балабиной, в предполагаемой культовой иерархии животных в раннеземледельческой традиции, главенствующее место мог занимать баран (1997: 39-43). Показательно, что по одной из версий реконструкции системы символов, заключенных в комплекте фишек из Коновки (Шмаглей и др. 1985), московская исследовательница (1997: 43) выделяет пару баран + женский антропоморфный персонаж. Косвенным подтверждением этому могут служить недавно опубликованные поздненеолитические антропо-зооморфные статуэтки из Болгарии, где изображены человеческие фигуры с бараньими головами (Perniceva 2004).

Данная статья посвящена исследованию места в идеологических представлениях ранних земледельцев другого домашнего животного — собаки. Работа будет проводиться, главным образом, на материалах культуры Кукутень-Триполье.

## Роль собаки в хозяйстве и идеологии носителей культуры Кукутень-Триполье

Собака (*Canis familiaris L.*) является самым древним одомашненным животным на Земле. Наиболее ранним памятником, где были обнаружены кости domesticированных собак в археологическом контексте, является Бонн-Оберкассель в Герма-

нии — около 14000 В.Р. (Morey 2006). На этом поселении фрагмент челюсти собаки сопровождал погребение человека. В последующем связь собаки и человека документировается для всех исторических периодов, в том числе и в погребальном плане.

Традиционно значение собаки в культуре Кукутень-Триполье сводится к ее основным характеристикам — защитник человека, его дома, стада, посевов (Збеневич 1974: 123). Подобная интерпретация вполне логична и правомерна, что позволило ряду авторов проецировать естественные функции собаки на идеологическую сферу. Например, по мнению В.Г. Збеневича, «роль собаки в хозяйственной деятельности и быту древнего человека нашла отражение и в его культовых воз-

<sup>1</sup> Здесь и далее аббревиатуры КРС и МРС используются для обозначения крупного и, соответственно, мелкого рогатого скота

<sup>2</sup> Например, анализ фауны с поселения Дивостин позволил предположить использование больших стад КРС для других целей, нежели пищевых — в качестве тягловых животных и, что показательно, показателей статуса индивида (Воконуй 1988: 423).

<sup>3</sup> Например, т.н. «цикл КРС» в Восточной Африке (Lincoln 1981: 13-36), где КРС играет роль основной ценности, а набеги на территории соседних племен с целью захвата их стад представляют собой основной вид военной активности, легитимность которой подкрепляется на сакральном уровне, вплоть до отражения в мифах создания.

рениях» (1974: 123). Сам автор выделяет в дальнейшем, в первую очередь, апотропаическую функцию погребений черепов собак в жилище (1989: 166). Аналогичного мнения придерживался В.И. Маркевич, который, основываясь на интерпретации С.Н. Бибикова (1953: 269-271), писал: «постоянная находка целых черепов собаки в жилищах говорит в пользу преднамеренности таких захоронений трипольцами, связанных с какими-то охранительными заклинаниями по отношению к домашнему очагу и почитанием собаки как священного животного, могущего даже своим символическим присутствием отгонять злых духов, несчастья от семьи, от дома. Об особом почитании собаки говорит и тот факт, что ее мясо не употреблялось в пищу, на что указывают находки целых костей» (1974: 29). О значении изображений собак на трипольской керамике как неких оберегов, призванных защитить содержимое сосуда, писал еще в 30-х годах прошлого века Б.Л. Богаевский (1937: 194, 227).

Накопленные на сегодняшний день данные позволяют несколько расширить спектр функций собаки в хозяйстве раннеземледельческих культур. В первую очередь, тезис В.И. Маркевича о неупотреблении мяса собак в пищу опровергают многочисленные археозоологические определения последнего времени с территории соседних Триполью культур. Так, мясо собак употреблялось в пищу на некоторых гумельницких памятниках — Мэриуца, Лункавица, Бордушань-Попинэ (Balasescu et al. 2004: Nr. 57, 118; Moise 1997: 111), а также на поселениях неолитической культуры Боян Силиштя-Конак и Исакча-Сухат (Balasescu et al. 2004: Nr. 51, 52). Более того, по свидетельству Д. Моисе (1997: 113), собаки могли быть использованы и для получения шерсти. Кости собак использовались в некоторых случаях для изготовления орудий, как в Кукутень-Триполье (Дрэгушень — Bolomey, Marinescu-Bîlcu 1988), так и в других культурах — Вэдастра

(Bălăşescu et al. 2004: Nr.113) или Гумельница (Пьетреле<sup>4</sup>).

Список подобных свидетельств можно продолжить, однако совершенно очевидно, что собаки занимали весьма определенное положение в раннеземледельческом хозяйстве и быту. Более того, как уже не раз было отмечено специалистами, собаки играли важную роль и в идеологических представлениях земледельцев, доказательством чему являются их захоронения, присутствие изображений псов в орнаментации расписной посуды, в лапидарном искусстве, а также возможное их присутствие в глиняной пластике.

В своей работе, посвященной анализу зооморфизма в росписи керамики Кукутень-Триполье, В.Г. Збеневич (1998: 75) совершенно справедливо заметил, что «пытаясь дешифровать хотя бы отдельные элементы сложной знаковой системы, какой является орнамент трипольско-кукутеньской керамики, необходимо рассматривать эти элементы не изолированно, а в сочетании с другими знаками этой системы». Тезис этот может быть экстраполирован и на всю систему верований ранних земледельцев. Следуя этой идее, важнейшим аспектом в попытке выявления специфики присутствия того или иного элемента в мировоззренческой структуре древних дописьменных обществ является анализ на основе максимально полного массива данных определенных сочетаний, контекстуальных условий встречаемости различных образов, вследствие чего становится возможным определение семантической нагрузки интересующей исследователя проблемы.

Анализ места собак в системе идеологических представлений носителей культуры Кукутень-Триполье будет проводиться в первую очередь на основе трех категорий источников. Это захоронения собак и их черепов, их возможное присутствие в глиняной пластике и изображения собак в керамическом декоре.

## Погребения собак и их черепов в Кукутень-Триполье

Находки погребений и черепов собак известны на поселениях и погребальных памятниках на протяжении всех этапов эволюции культуры Кукутень-Триполье. Так, для раннего Триполья известны четыре поселенческих памятника, где были обнаружены преднамеренно депонированные черепа собак. На нижнем уровне заполнения землянки №1 поселения Рогожаны I (Прекукутень II), у юго-западного края жилища, находил-

ся нераздробленный череп собаки без нижней челюсти. На этом же уровне залегали семь рогов тура-зубра и домашнего быка. Комплекс был интерпретирован В.И. Маркевичем как культовый (1974: 29). При раскопках поселения Новые Русешты I (Прекукутень III) были обнаружены три черепа собаки (Давид, Маркевич 1967). Давно извест-

<sup>4</sup> По любезному персональному сообщению Петара Зидарова

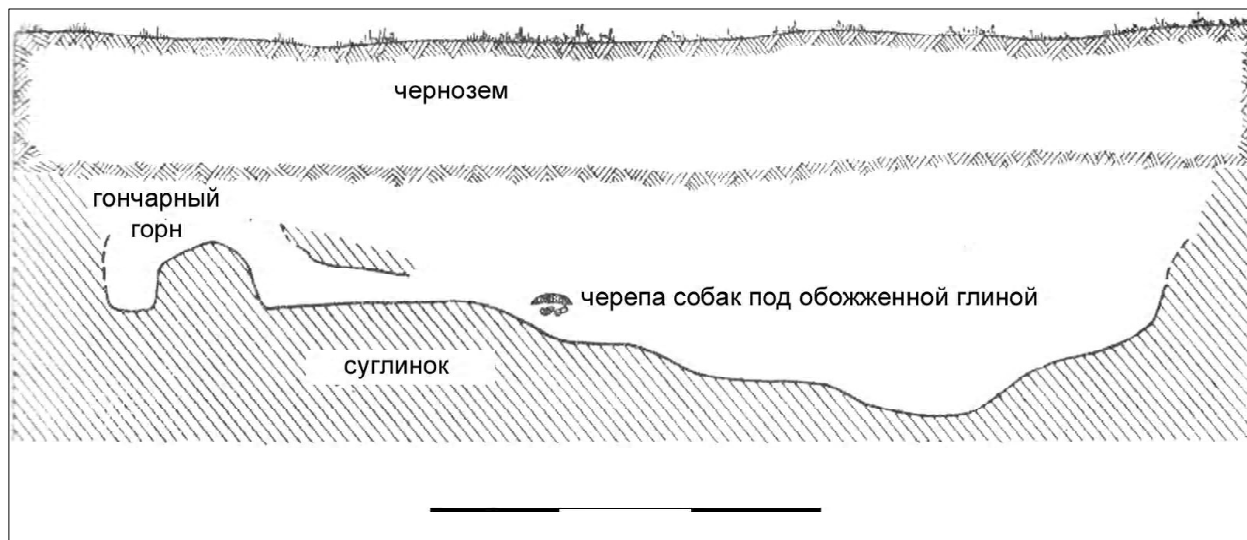


Рис.1. Схема расположения черепов собак из жилища №1 в Луке-Врублевцевкой (по Бибииков 1953).

ны погребения двух черепов собак без нижних челюстей, лежавших рядом в небольшой ямке под полом жилища №1 в Луке-Врублевцевкой (Бибииков 1953: 22). Ямка была перекрыта толстой (6-7см) плиткой из обожженной глины и находилась в одном метре от устья гончарного горна (Рис. 1). Кроме того, еще два черепа были найдены в других жилищах. Перечень подобных находок продолжает поселение Тыргу Фрумос в Румынии. В процессе исследования памятника была обнаружена яма (№ 26) больших размеров, которая содержала четыре черепа и 42 рога КРС, рога МРС и череп собаки, в сопровождении различных глиняных предметов (Ursulescu et al. 2005). Кости животных были интерпретированы авторами раскопок как следы жертвоприношения, а сама яма — как культовая.

Традиция захоронения черепов собак на поселении продолжается и в развитом Кукутень-Триполье. Под слоями обмазки одного из жилищ среднетрипольского (Кукутень А) времени на многослойном поселении Солончень II был обнаружен череп собаки, возле которого в небольшой ямке находилась коническая миска небольших размеров с костями быка (Мовша 1961). Известны данные о находках ритуальных захоронений собак в нескольких жилищах поселения Гребени (Кукутень АВ2). К сожалению, материал полностью не опубликован (Бібіков, Шмаглії 1964).

Для позднего Триполья известна лишь одна находка черепа собаки на поселении. В одном из кострищ, в заполнении внешнего рва поселения Маяки, на глубине 2,75 м, был обнаружен целый череп собаки с первы-

ми шейными позвонками и половина глиняной миски (Збеневич 1974: 25).

Отдельной картиной предстают захоронения целых скелетов собак в поздне трипольское время, появляясь в сочетании с человеческими погребениями. При раскопках многослойного поселения Бильшивец (Кукутень В — Триполье С1) была обнаружена овальная (1,52?1,28 м) яма с необычным заполнением. В засыпке ямы были найдены фрагменты сосудов кошиловецкого времени, обломок антропоморфной фигурки. На глубине 1,47-1,49 м от нуля компактной группой лежали на правом боку три человеческих черепа, два из которых принадлежали мужчинам. На глубине 2,54 м от нуля, на дне ямы, в анатомическом порядке лежал вытянутый на спине скелет собаки, черепом ориентированный на восток (Рис. 2). Интересно, что на том же поселении, на расстоянии около 4 метров от упомянутой ямы, лежало захоронение человека, совершенное в катакомбе, инвентарь которого состоял из челюсти быка, положенной у входа в погребальную камеру, стенки трипольского сосуда, четырех заполированных клыков кабана, медных кинжала и пронизки. Радиоуглеродные данные показали одновременность этого захоронения и ямы с погребением собаки (Ткачук 2004).

Другим типом захоронений собак является их помещение в курганы в усатовское время. Возле усатовского погребения №1 кургана у с. Тудорова было найдено захоронение целого скелета собаки. Скелет хорошей сохранности лежал на правом боку и был ориентирован черепом на юг. Череп, ребра и кости ног были окрашены красной охрой (Рис. 3) (Мелюкова 1962). Подобная ситуа-

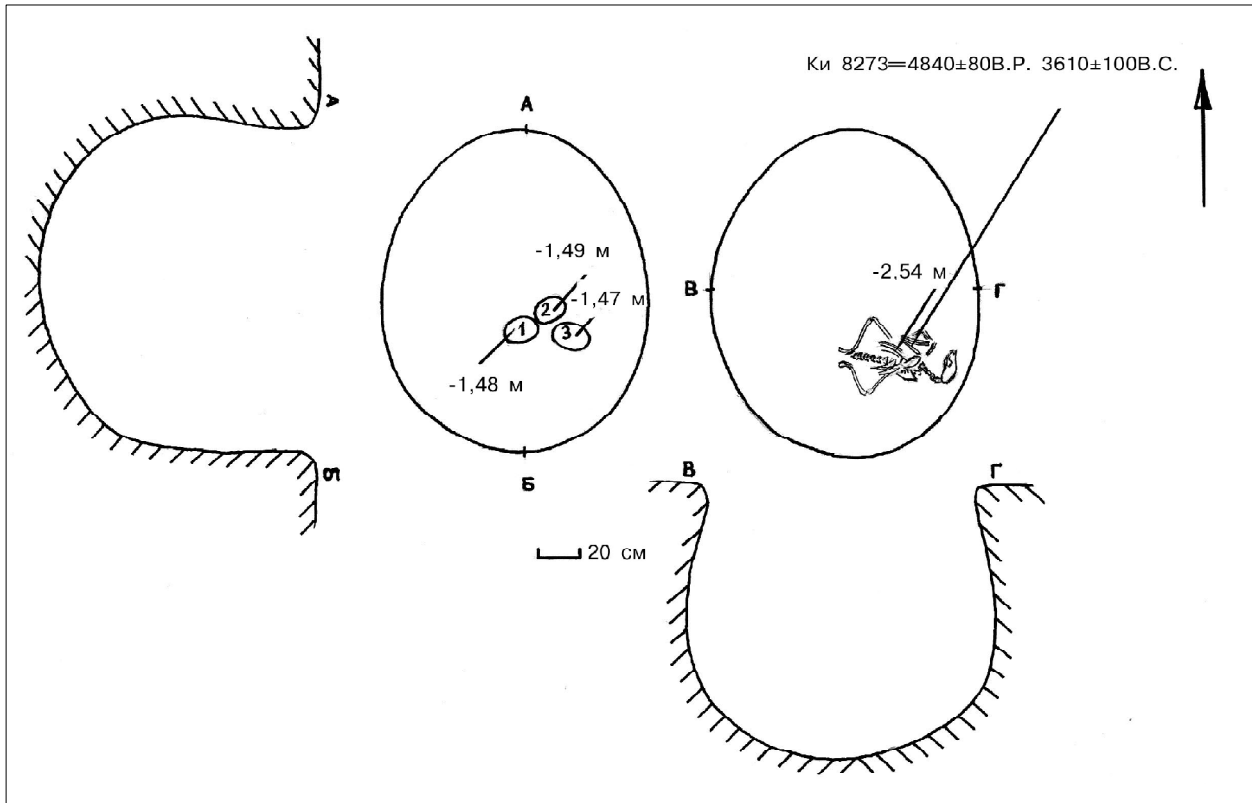


Рис.2. Схема расположения погребения собаки и черепов людей (№ 1-3) в яме из Бильшивец (по Ткачук 2004).



Рис.3. Погребение собаки из кургана у с. Тудорово (по Збенович 1974).

ция засвидетельствована в Аккембецком кургане, где возле основного усатовского захоронения №15, на юго-западном краю погребальной ямы, находился скелет собаки, ориентированный перпендикулярно направлению ориентации скелета человека (Рис. 4) (Черняков 2004).

Оканчивая на этом обзор находок погребений целых скелетов и черепов собак культуры Кукутень-Триполье, представляется необходимым сформулировать некоторые выводы. Находки подобного рода известны на всем протяжении всего развития культуры. Однако, на основе представленного малочисленного, но показательного материала, вырисовывается определенная тенденция к преобладанию захоронений целых скелетов собак в позднем Кукутень-Триполье, тогда как погребения черепов более характерны для периода Прекукутень. И если в раннетрипольское время большинство черепов, за исключением комплекса из Тыргу Фрумос, обнаружены в контексте жилищ (сюда можно отнести и погребение черепа под полом жилища из Солончен), то в позднем Триполье контекст депонирования погребений собак несколько расширяется — они присутствуют на дне ямы, в заполнении рва и в курганах.

Другим важным контекстуальным аспектом погребений собак в позднетрипольский период является их включение в потустороннюю сферу. В Бильшивцах скелет собаки представляет собой начальную точку заполнения культовой ямы, в инвентаре которой были также найдены человеческие черепа. Погребения собак из Тудорово и Аккембецкого кургана были непосредственно связаны с человеческими захоронениями, будучи совершены возле усатовских могильных ям. Очевидно, погребения собак находят свое место как среди т.н. интрамуральных погребений Кукутень-Триполья, так и среди обособленных захоронений людей в усатовских курганах.

Погребения людей под полами жилищ известны в многочисленных культурах неолитической Европы (Вацваров 2003), включая Кукутень-Триполье (Мовша 1960). Среди них встречаются и захоронения черепов, что позволяет ряду исследователей не без оснований предположить существование т.н. «культы черепов» у раннеземледельческих общин (Lazarovici et al. 2003). Известны у носителей культуры Кукутень-Триполье и погребения черепов животных под полом жилища. Помимо вышеописанных захоронений собак, это погребения черепов быка (Лука-Врублевецкая, Доброводы, Бернашевка, Флорешты и др.) и мелкого рогатого скота

(Бернашевка) (Збеневич 1989; Цвек 1993; Церна 2004). В жилище №5 в Луке-Врублевецкой погребение черепа быка под очагом сочетается с захоронением ребенка, совершенном в небольшом углублении несколько западнее (Бибилов 1953: 56-57, Рис. 28). Сочетание КРС — погребение человека встречается и в других общностях преисторической Европы, как, например, в захоронении на поселении культуры Старчево-Криш Клуж-Гура Бачулуй, где кости многочисленных животных, включая как домашних, так и диких видов, были обнаружены под скелетом одной женщины, образуя своего рода «ковер», на который были положены останки. Большинство костей принадлежали КРС — 61% (Vlassa 1964; Necrasov 1964).

Интерпретация различными исследователями погребений черепов под жилищами неоднозначна. В историографии Кукутень-Триполья устоялось мнение о разнообразной семантике подобных комплексов, в зависимости от того, кому принадлежал череп. Показательна в данном случае трактовка В.Г. Збеневича. Так, захоронение черепа девочки в глубокой яме под жилищем на поселении Лука-Устинская, равно как и погребения людей под жилищами в целом, отражали «определенную культовую обрядность, вызванную идеями обратимости, возрождения, плодородия» (1989: 46). С ролью быка в качестве символа мужского начала в культе плодородия связаны, по В.Г. Збеневичу, захоронения его черепа или рогов (1989: 165-166). Захоронениям черепов собак отводится скромная охранная функция (Збеневич 1989: 166), а погребения черепов овцы никак не комментируются.

Другой точкой зрения является интерпретация данных находок в качестве определенных жертвоприношений, призванных обеспечить прочность жилища при его закладывании (Makkaу 1983). В более развитой и стройной концепции Дж. Чепмэна (2000: 68-69, 79-83) погребения под жилищами, равно как и другие сочетания инвентаря, преднамеренно заложенные под полы построек, являются результатом совершения определенной общественной практики *структурного депонирования*, связанной с процессом установления неких социальных и идеологических связей с предшествующими поколениями предков. Это призвано подчеркнуть как самоидентификацию коллектива, так и единство представителей одной общины. Подобная трактовка противоречит некоторым попыткам построения некоей «табели о рангах» в интерпретации культовой



Рис.4. Погребение собаки возле основного захоронения Аккембецкого кургана (по Черняков 2004).

функции отдельных видов животных неолитического стада и является на сегодняшний день наиболее приемлемой. Такая же трактовка применима к ямам из Тыргу Фрумос и Бильшивцев, а также к черепу собаки в заполнении рва в Маяках.

Далее необходимо остановиться на погребениях собак в другом контексте — усатовских курганах. Как уже отмечалось, усатовский период знаменует собой инкорпорацию собаки в сферу погребальной практики человека, свидетельством чему являются погребения собак рядом с людьми в Тудорово и Аккембецком кургане. Присутствие костей животных в захоронении является одной из характерных черт усатовского погребального обряда (Дергачев 1980: 105). Чаще всего это кости МРС, уложенные, видимо, в качестве сопровождающей покойника пищи. Однако встречаются и полноценные захоронения. Целый скелет овцы был обнаружен среди камней кромлеха усатовского кургана у с. Сарата (Дергачев, Манзура 1991: 55). Другое погребение овцы было найдено при раскопках кургана доусатовского времени (группа Хаджидер-Чернавода I) у с. Никольское (Агульников, Савва 2004: 49), где скелет животного лежал в яме. В основном усатовском погребении 15 кургана 3 у с. Казаклия, под южной стенкой камеры, были обнаружены скелеты двух неопределенных животных и птицы (Дергачев, Манзура 1991: 45). Следует отметить также присутствие астрагалов в усатовских погребениях, как овечьих — Казаклия 3/8 (Дергачев, Манзура 1991: 44), так и КРС — Семеновка 11/10 (Дерга-

чев, Манзура 1991: 76). В последнем случае астрагал был окрашен охрой.

Обращает на себя внимание факт депонирования целых скелетов животных на самой ранней стадии возведения усатовских курганов: во всех описанных случаях погребенные животные сопровождают основное погребение, либо, как в Сарате, уложены при конструкции кромлеха.

Возможные пути интерпретации погребений собак в курганах могут быть связаны со спецификой хозяйства усатовской культуры, которое определяется как многоотраслевое, комбинированное отгонное или пастушеское скотоводство, основанное на разведении, в первую очередь, овец и, в меньшей степени, КРС (Збенович 1974: 112-113). Формы ведения подобного хозяйства предполагают ежегодный отгон стада на далеко расположенные пастбища от ранней весны до поздней осени, с его последующим возвращением в зимний период. Подобная цикличность, несомненно, должна была наложить отпечаток и на идеологические представления усатовцев. Ежегодно повторяемые процессы перемещения-возвращения пастухов, возможно, могли быть экстраполированы в символическом плане и на представления о смерти как о переходе. Собака была, очевидно, основным помощником человека в процессе выпаса скота и, возможно, его спутником в загробном мире. Присутствие, помимо собак, и скелетов овцы в курганах дополняет на структурном уровне комбинацию человек-собака-овца, воспроизведя процесс пастушества в другой, загробной, сфере.

### «Собаки» в зооморфной пластике Кукутень-Триполья

В монографии В.И. Балабиной — наиболее полном источнике по зооморфной пластике Кукутень-Триполья — указаны лишь семь памятников, с которых происходят около восьми фигурок предположительно собак (1998: 146; Рис. 74. 5). Все они относятся к западному ареалу культуры (Балабина 1998: Карта 11) и принадлежат различным этапам ее развития, не имея, таким образом, никакой хронологической специфики. Впрочем, сама российская исследовательница признается (1998: 23, 146), что статуэтки «собак» выделены ею по косвенным признакам: тощим, втянутым бокам и моделированию пениса. В остальном — морды, переданные

защипом, короткие шеи, короткие торчащие хвосты — эти фигурки близки предметам, определяемым как изображения овец.

Следует отметить, что из статуэток «собак» Кукутень-Триполья лишь три фигурки из Друц I и Фрумушки (Балабина 1998: Рис. 74. 2-4) имеют определенное сходство с некоторыми расписными изображениями этих животных на сосудах, происходящих с поселений Сухо-став, Рашков и Черкасов Сад. Даже если признать эти статуэтки как изображавшие собак, следует отметить их крайне незначительную представленность в глиняной пластике, где доминирующими животными являются бо-виды и овиды (Балабина 1998).

## Изображения собак в росписи керамики Кукутень-Триполья

Одним из наиболее выдающихся феноменов поздних этапов Кукутень-Триполья является присутствие многочисленных расписных антропо- и зооморфных знаков в орнаментации керамики (Nițu 1975; Dumitrescu 1979; Мовша 1991; Збеневич 1998; Ткачук, Мельник 2000). Разнообразие этих изображений, присутствие подлинных сюжетных сцен на ряде сосудов представляют собой ценный и уникальный источник для реконструкции мировоззрения носителей кукутень-трипольских традиций. Образы, заключенные в декоре посуды, являются отражением определенной картины мира, характерной для раннеземледельческих идеологических представлений.

На сегодняшний день в Кукутень-Триполье известно около сорока памятников, с которых происходят более 250 зооморфных расписных изображений (Збеневич 1998, с дополнениями автора — С.Ц.). Представленные на сосудах животные весьма разнообразны — это олени, быки, змеи, птицы, КРС, однако абсолютное большинство (больше 90%) составляют изображения собак. Поселения, на которых были обнаружены сосуды с зооморфным декором, расположены неравномерно по ареалу культуры. Большинство из них находится в средней части бассейнов Сирета, Прута и Днестра. Другое скопление зооморфных знаков концентрируется в восточной части ареала, включая Левобережье Южного Буга и Среднее Поднепровье (Рис. 5).

Полная характеристика всех стилистических аспектов, связанных с изображениями собак на керамике Кукутень-Триполье, выходит за рамки данной работы. Отмечу лишь основные черты стилистики, построения и эволюции зооморфного орнамента.

Большинство изображений находится на крупных биконических, сфероконических и грушевидных сосудах, а также кубках. Кроме того, ряд фигур встречается на мисках и одна — на биноклевидном сосуде (Рис. 6). По технике росписи фигуры собак либо залиты полностью черной краской, либо образуют т.н. контурные изображения, когда фигуры животных оконтурены черной линией, и внутреннее пространство заполнено красной краской. Встречается как условно-реалистические, так и схематические изображения собак. Расположение фигур в общем орнаментальном поле сосуда не обнаруживает никаких четких взаимосвязей между изображениями собак и типом основного

декора. Количество изображенных на сосуде собак варьирует от одной до более десятка фигур. Собаки переданы либо в статичном положении, в беге или своего рода «шествии». Часто встречаются две стоящие друг против друга собаки. Иногда это разнополые животные, самец и самка, между которыми помещены маленькие силуэтные изображения, возможно щенков. Интересно отметить, что чаще всего животное, изображенное в левой части композиции — самец, в правой — самка. На некоторых сосудах животные переданы в сочетании с другими знаками: «полумесяц», змея, «гусеница», крест в круге и др.

Хронологически наиболее ранние фигуры собак появляются в самом конце среднего — начале позднего Триполья в разных частях кукутень-трипольского ареала, от прикарпатских памятников Румынии и до Днестра, т.е. в западной части культуры. Постепенно, с распространением зооморфного орнамента на северо-восток, фигуры животных становятся все более схематизированными.

Зооморфный орнамент, его специфика и семантика давно привлекают внимание исследователей. В 30-х годах прошлого века, в результате анализа известных на тот момент изображений собак на сосудах, Б.Л. Богаевский приходит к выводу о собаках в декоре посуды как о «апотропаических животных, охранявших запасы в сосудах» (1937: 194). Развивая дальше эти идеи, Б.А. Рыбаков, на основе образов, заключенных в росписи керамики, воссоздал идиллическую картину кукутень-трипольского пейзажа, «где есть и ростки всходов, и вспаханная земля, и деревца, а над всем этим, не прикасаясь лапами к земле, летают грозные небесные собаки, охраняющие весеннюю растительность». Данная трактовка была обусловлена предложенной Б.А. Рыбаковым интерпретацией орнаментальных поясов на сосудах как неба и земли; собаки в большинстве случаев были заключены в верхний, «небесный», орнаментальный фриз (1981: Гл. IV). Изображения собак как животных, способствующих сохранению стада и охраняющих хозяйство, а также играющих «определенную магическую роль в мировоззрении трипольцев, связанном с культовыми отправлениями плодородия, вызывающими плодovitость домашних животных и сохраняющими имущество», проинтерпретировал В.И. Маркевич (1981: 159). Однако стилистическое иссле-

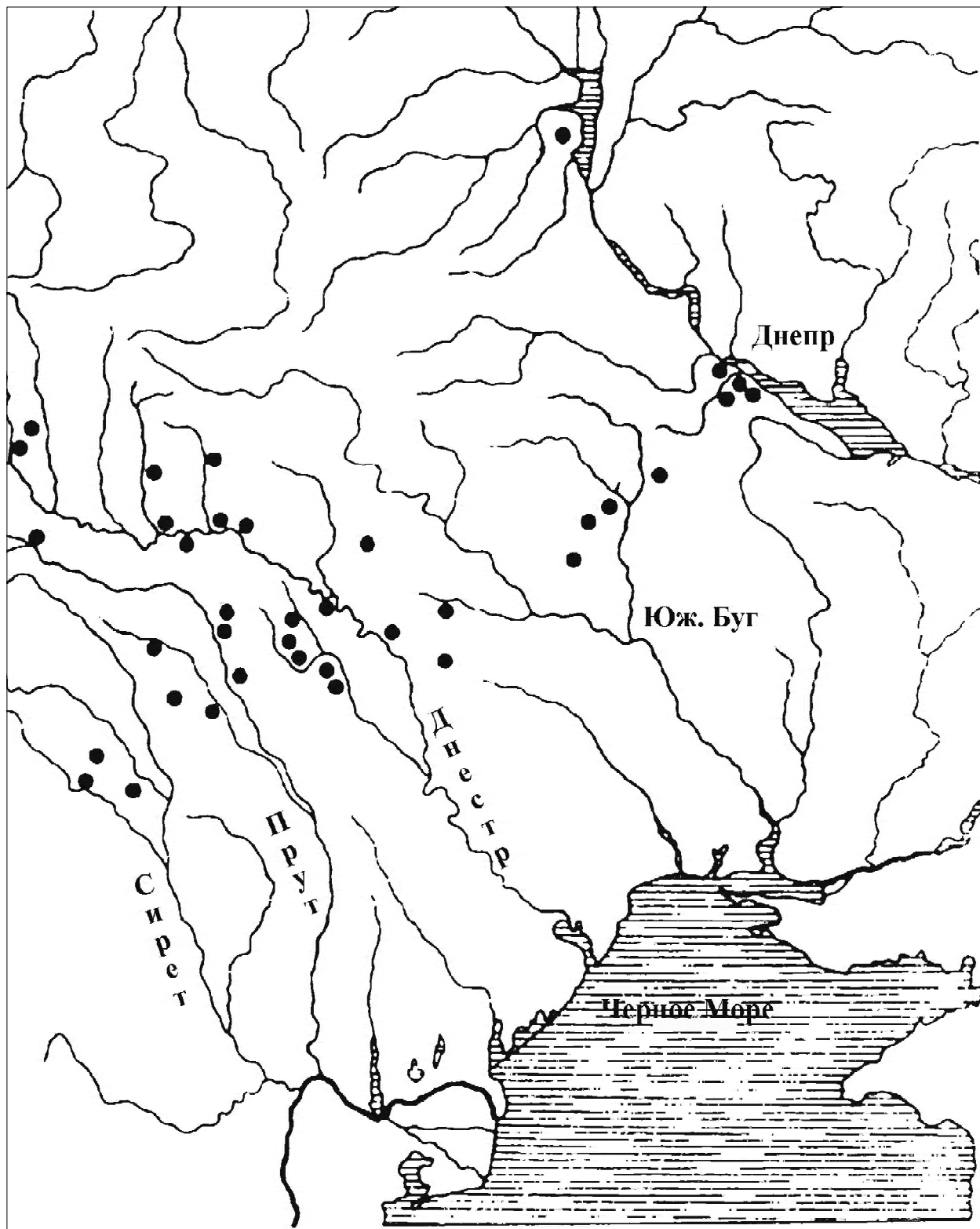


Рис. 5. Карта распространения зооморфных изображений на керамике Кукутень-Триполья (по Збенович 1998 с дополнениями автора).

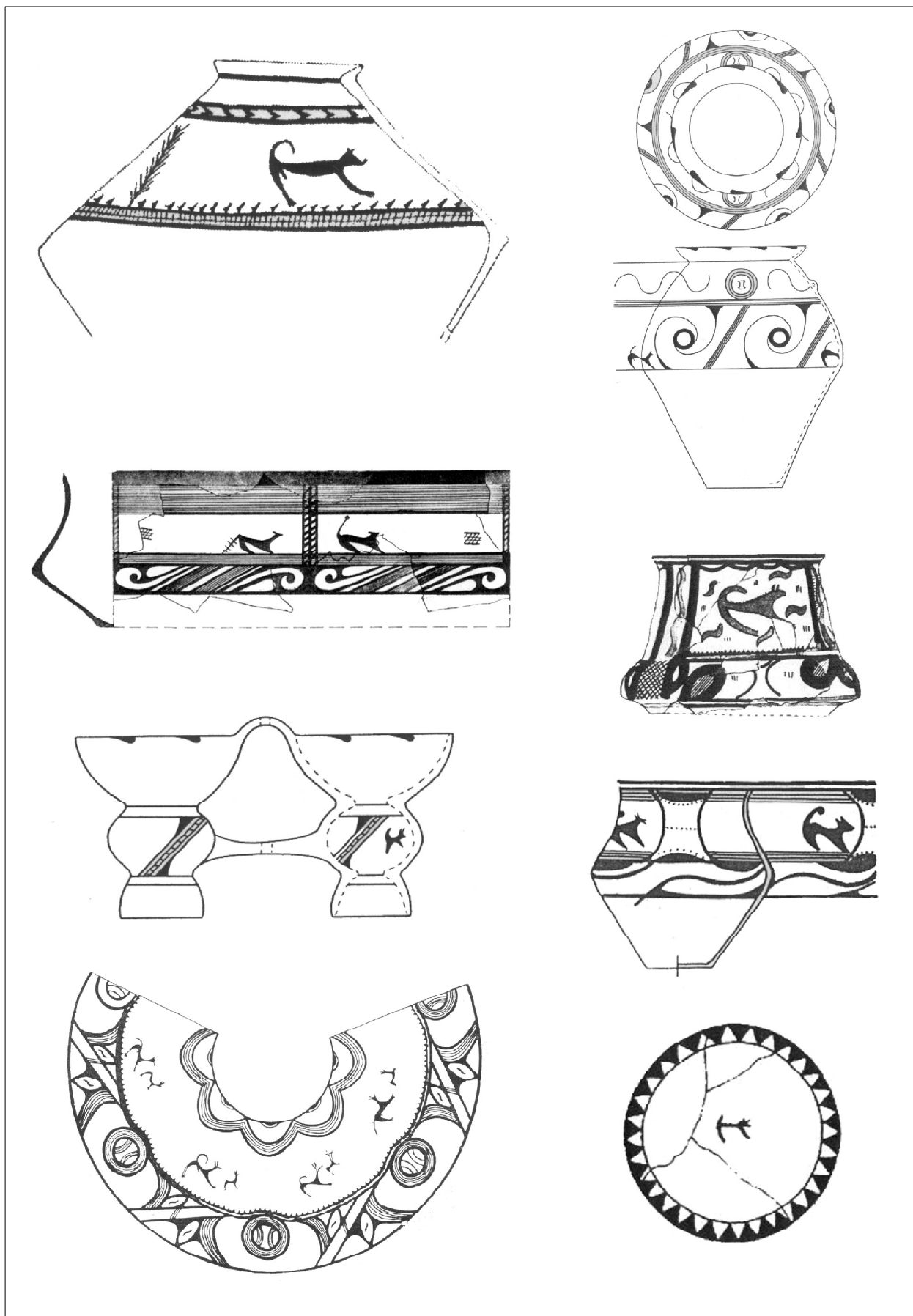


Рис. 6. Собаки в росписи керамики Кукутень-Триполья (по Збенович 1998; Nitu 1975 и др.).

дование зооморфных знаков, проведенное с анализом общей орнаментальной схемы сосуда, показало, что помещение собак в какой-либо орнаментальный ярус абсолютно случайно, расположение их на сосуде не обнаруживает никакой взаимосвязи с основными орнаментальными элементами (Nițu 1975: 64-67). Более того, известны многочисленные сосуды с одним орнаментальным ярусом или с полным отсутствием такого.

Интересна и более обоснована концепция А. Ницу. Сравнивая выделенные им самим темы или сюжеты в зооморфном декоре посуды Кукутень-Триполья с аналогичными проявлениями в расписной керамике Анатолии и Месопотамии, а также с месопотамской глиптикой, А. Ницу, под очевидным влиянием работ Леви-Стросса и других структуралистов, приходит к выводу о существовании определенных структур, в которых зооморфные символы, наряду с другими знаками, играют роль неких классификационных факторов в первобытном мировоззрении. По Ницу, «символическая функция этих изображений непосредственно отображает существование одной классификационной и корреляционной системы, основанной на структуре и символизме зооморфного стиля, которая упорядочивает космическое, божественное и человеческое, в соответствии с системами первобытных этнических культур и цивилизаций средиземноморского древнего Востока» (1975: 71, перевод мой — С.Ц.). Животные, согласно А. Ницу, выступают в качестве классификационного фактора, благодаря своему срединному статусу, между физической и биологической реальностью природы, с одной стороны, и социальной и культурной реальностью человека, с другой (1975: 69).

Наиболее актуальная и оригинальная интерпретация, на которой следует остановиться подробнее, представлена в работах Е.Ю. Новицкого и Л.Ю. Полищук (1983), В.Г. Збеневича (1998) и, в особенности, Т.М. Ткачука (1993; 2000). Основное положение работ указанных авторов — существование определенной знаковой системы в орнаментации керамики Кукутень-Триполья. В небольшой по объему статье Е.Ю. Новицкого и Л.Ю. Полищук рассматриваются лишь некоторые аспекты проблемы. Авторы выделяют около 20 «очевидных» знаков на нескольких сосудах и связывают их с различными календарными древнеземледельческими ритуалами (1983: 140). Полноценный анализ орнамента ими не проводился. В.Г. Збеневич, отметив взаимосвязь изображений собак с солярной, лунарной и астральной символикой,

выдвинул предположение о собаке, как о персонаже мифов, в том числе космогонических (1998: 75). Однако полное обоснование существованию системы знаков в декоре кукутень-трипольской посуды дал Т.М. Ткачук. Анализируя *весь* орнамент как систему знаков, украинский исследователь, на основе позиционно-статистического метода, установил основные этапы и тенденции эволюции знаковой системы на диахронном уровне (1993: 98). Работая с зооморфными фигурами (2000: 104-112), Ткачук выделил набор «парадигматичных рядов» знаков, в которые были включены изображения собак. Структура этих рядов неизменна от Карпат до Днестра — в нее входят, помимо собственно зооморфных фигур, знаки растений, полного месяца и месяца в виде серпа, змеи-воды, «падающей воды» (вертикальные черточки), креста.

Вслед за Т.М. Ткачуком и А. Ницу, я склонен считать изображения собак на посуде Кукутень-Триполья частью развитой системы изображений *коммуникационного* порядка. Единство отдельных компонентов этих блоков знаков, или *формул* (по определению М.Ю. Видейко), на территории всей культуры показывает, что скрытые в их семантическом поле денотаты были понятны всему трипольскому населению, способствовал сохранению общности отдельных отдаленных друг от друга общностей в рамках широко распространенной культуры. Данная система знаков, возникнув в поздне трипольское время, сменяет другую, характерную для раннего и среднего Триполья систему, построенную на спиралевидном орнаменте (анализ в Балабина 1998). Присутствие многочисленных изображений собак в этой системе указывает на их отдельную роль в мифах и идеологических представлениях носителей культуры Кукутень-Триполье. В то же время, собака как знак или символ, несомненно, имела отдельное конкретное значение, которое могло быть намного более абстрактным, выходя за рамки непосредственных характеристик собаки как животного, что в определенной степени подтверждается приведенными выше данными о погребениях собак в контексте. Подобными чертами обладала, например, древнеегипетская иероглифическая письменность, и весьма правдоподобным представляется предположение о существовании у носителей кукутень-трипольской культуры зачатков иероглифической системы коммуникации, на самом первом, зачаточном этапе — сложения системы знаков (Видейко 2003: 111-122).

## Заключение

В данной статье был очерчен основной круг источников, позволяющих определить, с известной степенью вероятности, семантическую эволюцию образа собаки в идеологических представлениях носителей культуры Кукутень-Триполье — от инкорпорирования непосредственно собаки (в виде захоронений) в домашнюю и погребальную символические сферы бытия и до включе-

ния ее образа в знаковую систему керамического декора. Был выдвинут ряд замечаний о возможных путях интерпретации культовой роли собаки в кукутень-трипольской среде, в зависимости от контекста бытования ее образа. Некоторые из этих предположений, безусловно, требуют дальнейшего обоснования, и подобная работа является делом будущего.

## Литература

- Агульников С.М., Савва Е.Н. 2004. Исследования курганов на Левобережье Днестра. Кишинев: СЕР USM.
- Балабина В.И. 1997. Фигурки животных и их символика на сосудах как отражение одной из знаковых систем древних земледельцев Европы // РА. № 2. М. С. 29-45.
- Балабина В.И. 1998а. Фигурки животных в пластике Кукутень-Триполья. М.: Старый Сад.
- Балабина В.И. 1998б. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ №1.
- Бибиок С.Н. 1953. Поселение Лука-Врублевская // МИА. № 38. М.
- Бібіков С.М., Шмаглій М.М. 1964. Трипільське поселення близько с. Гребені (роботи в зоні Канівської ГЕС) // Археологія №16. С. 131-136.
- Богаевский Б.Л. 1937. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л.
- Відейко М.Ю. 2003. Трипільська цивілізація. Київ.
- Давид А.И., Маркевич В.И. 1967. Фауна млекопитающих поселения Новые Русешты I // Известия АН МССР, серия биологических и химических наук (палеонтология и стратиграфия). №4. С. 3-25
- Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья. Опыт систематизации. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В.А., Манзура И.В. 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев: Штиинца.
- Збенович В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка.
- Збенович В.Г. 1989. Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наук. думка.
- Збенович В.Г. 1998. Зооморфные мотивы в росписи керамики культуры Триполье-Кукутени // Археологія. №4. С. 64-78.
- Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. Москва.
- Маркевич В.И. 1974. Исследования молдавской неолитической экспедиции // АИМ 1972. С. 26-51.
- Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца.
- Мелюкова А.И. 1962. Курган усатовского типа у с.Тудорова // КСИА. Вып. 88. С. 74-83.
- Мовша Т.Г. 1960. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев. С. 59-76.
- Мовша Т.Г. 1961. Трипольское жилище на поселении Солончены II (раскопки 1955 г.) // ЗОАО. Т. 1. С. 231-247.
- Мовша Т.Г. 1991. Антропоморфные сюжеты на керамике культур Трипольско-Кукутеньской общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев: Наук. думка. С. 34-47.
- Новицкий Е.Ю., Полищук Л.Ю. 1983. Об одной группе изображений на сосудах трипольской культуры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев. С. 136-141.
- Рыбаков Б.А. 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. №1. С. 24-47; СА. №2. С. 13-33.
- Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.: Наука.
- Ткачук Т.М. 1993. Знакова система трипільської культури // Археологія. №3. С. 91-100.
- Ткачук Т.М. 2004. Конец этапа С1 и начало этапа С2 трипольской культуры Верхнего Поднестровья (на материалах поселения Бильшивец) // Stratum plus. №2 (2001-2002). С. 196-217.
- Ткачук Т.М., Мельник Я. 2000. Семіотичний аналіз трипільсько-кукутеньських знакових систем (мальований посуд). Івано-Франківськ.
- Цвек О.В. 1993. Релігійні уявлення населення Трипілья // Археологія. №3. С. 74-91.
- Церна С.В. 2004. Обряды и ритуалы в трипольском домостроительстве (ранний период) // Древні землероби Європи: нові відкриття та гіпотези. ТДК. Збараж. С. 67-69.
- Черняков І.Т. 2004. Аккембецький курган // ЕТЦ. Т. 2. С. 11-13.
- Шмаглій М.М., Рижов С.М., Дудкін В.П. 1985. Трипільське поселення Коновка в Середньому Подністрів'ї // Археологія. Вып. 52. С. 42-51.
- Vačvarov K. 2003. Intramural burials in Southeast European and West Anatolian Neolithic: chronology and distribution // Добруджа 21 2003. p. 37-47.
- Bailey D. 2000. Balcan Prehistory: exclusion, incorporation and identity. London — New York, Routledge.
- Bălăşescu A., Udrescu M., Radu V., Popovici D. 2004. Archéozoologie en Roumanie. Corpus de données. Timișoara.
- Bökönyi S. 1988. The neolithic fauna at Divostin and Grivac // McPherron A., Srejovic D. (eds.) Divostin and the Neolithic of Central Serbia. Pittsburg. p. 419-446.
- Bolomey A., Marinescu-Bîlcu S. 1988. Industria osului în aşezarea cucuteniană de la Drăguşeni-Ostrov // SCIVA. 39/4.
- Chapman J. 2000. Pit-digging and Structured Deposition in the Neolithic and Copper Age // Proceedings of the Prehistoric Society. p. 66. p. 61-87.
- Çilingiroğlu Ç. 2005. The concept of “Neolithic package”: considering its meaning and applicability // Budja M. (ed.) Documenta Praehistorica XXXII. Ljubljana. p. 1-14.
- Dumitrescu VI. 1979. Arta culturii Cucuteni. Bucureşti.
- Ivanov I., Avramova M. 2000. Varna necropolis. The Dawn

- of European Civilization. Sofia: Agato.
- Lazarovici C.-M., Botezatu D., Ellis L., Țurcanu S. 2003. Noi resturi de oase umane în asezarea cucuteniana de la Scânteia // AM XXVI. p. 297-306.
- Lincoln B. 1981. Priests, Warriors and Cattle. A Study in the Ecology of Religions. Berkeley. Los Angeles. London, University of California press.
- Makkay J. 1983. Foundation sacrifices in Neolithic houses of the Carpathian Basin // Anati F. (ed.). The Intellectual Expressions of Prehistoric Art and Religion, Brescia. p. 157-167.
- Marinescu-Bîlcu S., Popovici D., Trohani G., Andreescu R., Bălășescu A., Bălțeanu A., Bem C., Gâl E., Haită C., Kessler E., Moise D., Radu V., Tomescu M., Venczel M., Vlad F., Voinea V. 1997. Archaeological researches at Bordușani-Popina (Ialomița county). Preliminary report 1993-1994 // Cercetări Arheologice X, București. P. 35-144.
- Moise D. 1997. Mammals // Marinescu-Bilcu et.al. 1997. P. 110-127.
- Morey D. 2006. Burying key evidence: the social bond between dogs and people // Journal of Archaeological Science. №33(2). P. 158-175.
- Necrasov O. 1964. Studiul osemintelor umane și a resturilor de paleofauna descoperite în mormîntul neolitic de la Cluj — „Gura Baciului” datînd din cultura Criș // Apulum №5. P. 19-34.
- Nițu A. 1975. Decorul zoomorf pictat pe ceramica Cucuteni-Tripolie // AM. №VIII. P. 15-121.
- Perniceva L. 2004. Anthropozoomorphe Figurinen aus dem späten Neolithikum in Sudwestbulgarien // Nikolov V., Bacvarov K. Von Domica bis Drama. Gedenkschrift für Jan Lichardus. Sofia. S. 59-68.
- Sherratt A. 1983. The secondary exploitation of animals in the Old World // World Archaeology. №15. P. 90-104.
- Ursulescu N., Boghian D., Cotiugă V. 2005. Problèmes de la culture Prècucuteni à la lumière des recherches de Târgu Frumos (dep. de Iași) // Spinei V., Lazarovici C.M., Monah D. (ed.) Scripta Praehistorica. Miscellanea in honorem nonagenarii magistri Mircea Petrescu-Dîmbovița oblata. Iași. P. 217-260.
- Vlassa N. 1964. Un mormînt de înhumăție aparținînd culturii Criș din Transilvania // Apulum. №5. P. 13-18.
- Whittle A. 2003. The Archaeology of People: Dimensions of Neolithic life. London — New York. Routledge.